

Скрытые уроки азиатского экономического кризиса 1997 года

Отсутствие воды в кране

Сергей Голубицкий

«Открытое общество вовсе не исключает преследования личных интересов. Как раз наоборот: в ситуациях неопределенности лучше всего предоставить индивиду право самостоятельно определять свои интересы, а рыночному механизму — эти интересы регулировать».

Джордж Сорос

Загадочный кризис

На днях в ноосфере отечества энергично завибрировала тема азиатского кризиса 1997 года. Завибрировала в форме примитивного, лежащего на поверхности и легко прочитываемого умысла. Удивляться не приходится — так, судя по всему, и было задумано: «Процессы в финансовой и банковской сфере России очень похожи на преддверие азиатского кризиса 1997–1998 годов, когда сокращение притока капиталов привело к резкой девальвации национальных валют», — без обиняков заявил Алексей Кудрин на встрече со студентами Высшей школы экономики.

Просто и со вкусом. Еще два тезиса из откровений министра финансов РФ: «Иностранные обязательства российских банков в последние три–четыре года растут слишком быстрыми темпами, что угрожает кризисом в случае ослабления притока иностранной валюты... Вмешательство государства в экономику, а также раздача кредитов по личным связям в правительстве и бизнесе завершились в 1998 году падением ВВП в странах Азии от минус 7,4 до минус 13,1 процента».

Любому более или менее знакомому с темой человеку ясно, что никаких объективных оснований для сравнения блестяще исполненной в 1997 году внешнеэкономической диверсии, направленной на отъем национальной собственности у Азиатских тигров, и текущим состоянием российской экономики быть не может в принципе: объекты иностранного инвестирования, формы привязки национальной валюты к доллару, размер ставок рефинансирования, общее состояние экономики, объемы валютно-резервных запасов и — самое главное! — поведение властей — все эти факторы в странах Юго-Восточной Азии в 1997 году и в России 2007 года вопиюще противоположны.

Скажу больше: именно энергичное вмешательство национальных правительств спасло десять лет назад Азиатских тигров от полного растаскивания активов по карманам алчных заморских конкистадоров! То самое вмешательство, в котором Алексей Кудрин усматривает сегодня угрозу для экономики России.

Через два дня после выступления в Высшей школе экономики Алексей Кудрин заявил журналистам на встрече министров финансов стран «Большой Восьмерки» в Германии, что его, дескать, «неправильно поняли» и что «никакой банковский или финансовый кризис России не грозит». Возникает вопрос: зачем тогда вообще понадобилось делать подобные сенсационные заявления и проводить несуществующие исторические параллели? Попу-

гать обывателя? Или — «донести послание»?

Думаю, лучшим ответом на поставленный вопрос станет прямой анализ драмы, разыгравшейся 10 лет назад в Юго-Восточной Азии, тем более что драма эта являет собой одну из величайших загадок нового времени. В самом деле, азиатский кризис 1997 года поражает воображение и феноменальной координацией международных усилий, направленных на обвал национальных валют стран-участниц АСЕАН, и молниеносностью самого обвала, и последовавшим за обвалом не менее молниеносным восстанием Азиатских тигров из пепла, и гоп-стоп-сиквелом под кодовым названием «Российский дефолт '98», и возникновением движения антиглобалистов, и парадоксальной легкостью, с которой институты Бреттонского леса (МВФ и Всемирный банк) добровольно ушли на второй план, уступив место совершенно новой парадигме западной экономической экспансии, и...

Не будем, однако, опережать события и портить интригу почти детективного дознания!

Преддверие

Мы начнем изучение азиатского экономического кризиса 1997 года с любимшегося министру финансов РФ момента — преддверия. До летних катаклизмов Азиатские тигры привлекали более половины мировых финансовых инвестиций. Причина банальна — чрезвычайно высокие процентные ставки, привлекательные для спекулятивных денежных потоков, блуждающих по планете в поисках быстрой отдачи. Для Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Сингапура и Южной Кореи благоприятная финансовая обстановка означала высокие темпы экономического роста (8–12% ВВП ежегодно), экс-

В отличие от Южной Кореи, чья экономика развивалась в уникальном руссле национального сбережения, финансового протекционизма и мощной спайки государства с производственными гигантами (чаеболами), страны Юго-Восточного региона строили светлое капиталистическое будущее строго по неолиберальным лекалам: прямолинейный монетаризм, приоритет финансовых услуг над производством, безоговорочная ориентация на американские нужды и — самое главное! — жесткая привязка национальной валюты к доллару. Достаточно сказать, что в начале 1997 года малазийская Kuala Lumpur Stock Exchange была — ни больше ни меньше — самой активной биржей мира, чьи обороты превышали даже обороты Нью-Йоркской фондовой биржи¹!

Ущербность юго-восточной модели никогда не была секретом для профессионалов: задолго до краха (в 1994 году) профессор Массачусетского технологического института Пол Кругман развенчал миф «азиатского экономического чуда» в статье, в которой он описывал иллюзорность успеха, выстроенного не на достижениях реальной экономики и совокупной ее производительности, а на безудержном вливании иностранного капитала. Азиатские тигры, однако, относились к любой критике с оправданной (как им казалось) долей беспечности, поскольку не сомневались: случись беда, Дядюшка Сэм непременно вытащит!

Эксклюзивные отношения Азиатских тигров с США основывались на двух краеугольных обстоятельствах:

► вся экономика стран Юго-Восточной Азии целиком и полностью ориентировалась на нужды внутреннего американского рынка: Таиланд, Индонезия, Филиппины, Малайзия и Сингапур про-

Азии текущим благополучием и иллюзией защищенности в будущем, но была бесконечно ушербной в обеих своих составляющих. Мимикрия национальной экономики под нужды чужого рынка превращала Азиатских тигров в пожизненные придатки Большого Брата, который волен радикально перекармливать инфраструктуру стран АСЕАН мановением мизинца: пошла мода на самокаты — разобрали в авральном порядке производственную линию мотороллеров в Бангкоке и наладили сборку самокатов в Сингапуре. Захотелось носить тельняшки вместо шерстяных гольфов — закрыли прядильную мастерскую в Джакарте и открыли швейную фабрику в Куала-Лумпуре. О внутренних нуждах и экономических потребностях аборигенов вообще не было речи.

Еще более опасной оказалась привязка местных денег к американскому доллару. В середине 90-х годов Алан Гринспен устремился на борьбу с инфляцией единственно доступным пониманию монетариста способом: повышением ставки федеральных фондов. Федфонды потянули за собой казначейские обязательства, которые, в свою очередь, стали оттягивать инвестиции из других доходных мест, в том числе и из финансового рая Азиатских тигров.

Ответом АСЕАН — кто бы сомневался! — на действия Федерального резервного банка США стало пропорциональное повышение собственных, и без того завышенных процентных ставок. Палка, однако, оказалась о двух концах: обостренный интерес международного капитала к T-Bills и T-Bonds² укрепил доллар США, что, в свою очередь, автоматически привело к росту национальной валюты Азиатских тигров, намертво привязанной к американской валюте.

К началу 1997 года на горизонте маячила тревожная перспектива: взвившиеся процентные ставки по кредитным обязательствам хоронили заживо конкурентоспособность местного производства на мировом рынке, поскольку увеличивали сверх меры себестоимость продукции. Если б к этой тенденции добавилось еще и удорожание национальных валют, краха было бы не избежать. Картина усугублялась и начавшимся в середине 90-х неударжимым процессом превращения Китая в мировую фабрику всего, вся и для всех, чему, разумеется, были свои причины: беспрецедентная дешевизна рабочей силы и пребывание китайской валюты (рэнминби) в счастливом неве-

Что общего между диверсией 1997 года против Азиатских тигров и текущим состоянием российской экономики?

тенсивное развитие производства, расцвет бирж и экстравагантца a-la nouveau riche: поток бытовых кредитов направлялся на покупку роскошных кабриолетов, экзотичных по тем временам мобильных трубок и коттеджей с бассейнами. Даже букет сопутствующего негатива — от перманентной нехватки оборотных средств до фантазмагорического удорожания земли и недвижимости — не мог поколебать убежденности, что жизнь удалась, и она прекрасна.

изводили только те товары, которые были востребованы США, — от батистовых рубашек и детских колясок до автомобильных тормозных колодок и надувных ПВХ-бассейнов;

► благополучие иностранных инвесторов обеспечивалось не столько высоким кредитным процентом, сколько хеджированием рисков за счет exchange rate pegging — жесткой привязки местной валюты к доллару США.

Макроэкономическая сделка хоть и устраивала страны Юго-Восточной

1 Впоследствии, в период с июля до декабря 1997 года, композитный индекс Куала-Лумпурской биржи обвалился на 75%.

2 Векселя и облигации Казначейства США.

▲ В середине 90-х Алан Гринспен устремился на борьбу с инфляцией единственным доступным пониманию монетариста способом: повышением ставки федеральных фондов.

дении о существовании каких бы то ни было реальных чужеземных ориентиров — по доброй советской традиции, условный обменный курс брался (и берется поныне) с потолка¹.

Посмотрим теперь, как отреагировали на телодвижения Алана Гринспена и последовавшее за ними ухудшение локальной финансовой конъюнктуры правительства стран АСЕАН: ведь реакция Азиатских тигров на события зимы-весны 1997 года оказалась весьма неоднородной, что и предопределило их будущее радикальным образом.

Летопись поражений

Первым принял на себя удар Таиланд. В феврале и марте 1997 года группа внешне разрозненных, по сути же — блестяще скоординированных валютных спекулянтов, от фонда Quantum «большого друга российских ученых» Джорджа Сороса до Tiger Management Corp. Джулиана Робертсона, заключила несметное количество форвардных валютных контрактов с годовой экспирацией на общую сумму 15 миллиардов долларов. Ставка делалась на то, что через год бат (национальная валюта Таиланда) подешевеет, и обязательства по форварду удастся погасить за долю изначально полученного кредита.

Спрос на живые доллары в Таиланде был высок (из-за долларовой деноминации подавляющего большинства ранее выписанных кредитов), поэтому валютные форвардные контракты пользовались огромной популярностью, что, в свою очередь, способствовало росту кредитных ставок. Это обстоятельство таиландский Центро-

банк — то ли по дурости, то ли по коmprадорскому коварству — рассматривал как безусловное благо, нагнетающее приток иностранного капитала, а потому собственноручно валютные форвардные контракты и выписывал!

В середине мая таиландский Центробанк выпуск форвардов неожиданно прекратил, то ли сообразив, в какую несусветную авантюру его заманили, то ли по предварительной договоренности с международными некрофагами. В любом случае — пить «Боржоми» оказалось поздно. 14 и 15 мая на валютный рынок обрушилось цунами заявок на продажу бата. Центробанк решил держать марку и за две недели просвистел 10 миллиардов долларов, скупая национальную валюту ради сохранения «привязки» на традиционном уровне — 25 бат за доллар.

Куда там! Международные некрофаги, злорадно ухмыляясь, продолжили сбрасывать баты как ни в чем не бывало. Тогда струхнувшее не на шутку правительство Таиланда, забыв про условности «общечеловеческих ценностей», перешло к чисто творческим методам противоборства: подкупом и угрозами выведывало у куала-лумпурских банкиров имена держателей валютных форвардов для последующего «разговора по душам», угрожало газетам закрытием за распространение информации, дестабилизирующей экономическую обстановку, отслеживало звонки на радиостанции от слушателей,

нако процесс падения с 26 песо за доллар накануне кризиса до минимального значения 38:1 растянулся на долгих три года, что позволило поддерживать макроэкономические показатели на достойном уровне: в наихудший момент кризиса сокращение НВП Филиппин не превысило 0,6%.

В Малайзии атака международных валютных некрофагов пришлось на июль. Схема защиты была избрана аналогичная филиппинской, однако правительство культового борца с «мировой финансовой закулисой» премьер-министра Махатхира Мохаммада явно перегнуло палку: гипертрофированное повышение ставки рефинансирования с 8 до 40% привело к снижению рейтинга надежности долговых обязательств Малайзии и последующему обвалу биржевого рынка. К концу 1997 года индекс Куала-Лумпурской биржи упал с 1 200 до 580 пунктов, а ринггит обесценился в полтора раза: с 2,5 за доллар до 3,8.

Поведение Индонезии в кризисе 1997 года поучительно не столько катастрофическими последствиями для ее экономики, сколько пафосом разоблачения неолиберальных учителей Азиатских тигров: ведь Индонезия действовала в строгом соответствии с рекомендациями МВФ и Всемирного банка!

Накануне кризиса экономическое положение Индонезии смотрелось на порядок лучше, чем в Малайзии и Таи-

Первым весной 1997 года скоординированные удары международных валютных спекулянтов принял на себя Таиланд

высказывавших «неправильные» взгляды на события. Sancta simplicitas!

В конце июня премьер-министр уверил нацию, что обвала бата не будет. 2 июля бат обвалился. Кульминация позора пришлось на январь 1998 года: за один доллар на бирже давали 56 бат!

События на Филиппинах развивались по сценарию, аналогичному таиландскому, однако с рядом существенных отличий, поскольку стране удалось избежать прямой атаки со стороны международных валютных спекулянтов. Сразу же после обвала бата 2 июля 1997 года правительство ринулось на защиту песо, однако делало это не прямым (скупка национальной валюты), а косвенным образом — повышала ставку рефинансирования: уже 3 июля она выросла с 15 до 24%.

Полностью избежать обесценивания национальной валюты не удалось, од-

ланде: торговый профицит в 900 миллионов долларов, мизерный уровень инфляции, крепкий банковский сектор и 20 миллиардов долларов валютных запасов! Существенным отличием от собратьев по АСЕАН было не только отсутствие жесткой привязки национальной валюты Индонезии (рупии), но и постоянное укрепление ее по отношению к доллару США на протяжении всех 90-х годов.

Накануне обвала таиландского бата торговый коридор рупии составлял 8%. В июле его расширили до 12%, а в августе, когда международные валютные некрофаги добрались до Индонезии, валютный коридор вообще отбросили и заменили на свободный обменный курс — прямо-таки хрестоматия *laissez-faire* капитализма! В знак одобрения милостивый куратор, Дядюшка МВФ, любезно предоставил спаситель-

► В Индонезии кризис стал разоблачением кураторов, советам которых премьер-министр Мохаммад следовал буквально. Зато народ с удовольствием сжигал чучела Сороса.

ный заем (rescue package) в 23 миллиарда долларов, после чего с Индонезией случился окончательный абгемахт.

В течение одного месяца биржа Джакарты достигла исторического минимума, туда же устремилась и национальная валюта. Заботливое агентство Moody's тут же услужливо понизило рейтинг долгосрочных кредитных обязательств Индонезии до уровня мусорных облигаций (junk). Начались галопирующая инфляция, неприличный рост цен, в том числе на основные продукты питания, а затем и массовые беспорядки, во время которых в одной только столице погибло более 500 человек.

Результаты самозащиты Индонезии в неолиберальном стиле: сокращение ВВП на 13,5% и падение рупии с двух тысяч за доллар накануне операции по удушению до 18 тысяч в 1998 году.

Лишь двум странам удалось успешно противостоять атаке конкистадоров — Гонконгу и Южной Корее. 1 июля 1997 года Гонконг получил формальную независимость от Царицы Морей и перешел под юрисдикцию Китая. К этому событию были приурочены вялые провокации на тему: «Ах, что же теперь будет? Пора изымать капиталы!» Однако все они мгновенно пожухли в раскатах смеха знающих людей, размеры банковских счетов которых начинаются от миллиарда долларов.

Атака на гонконгский доллар произошла с неприличным опозданием — в октябре месяце. Уже сами сроки говорят о фиктивном характере операции, которая была откровенно отвлекающим маневром. На подавление диверсии власти бессмертного британского финансового бастиона затратили несчастный 1 миллиард долларов, после чего «валютные террористы», не нарушая стройного боевого порядка, дружно ретировались, оставив привязку гонконгского доллара к американскому в почтительной неприкосновенности: 7,8 к одному. Впрочем, даже без конспирологической компоненты было понятно, что в Гонконге соросово-робертсоновской шантрапе ловить нечего: как-никак 80 миллиардов долларов валютных резервов!

Южная Корея выжила исключительно благодаря здоровой макроструктуре национальной экономики, заточенной не на финансовые спекуляции, а на полезное производство², гарантирующее рано или поздно приток спасительных капиталов. За подробностями борьбы Дядюшки Сэма с корейскими чаеболами отсылаю читателей к нашему эссе «Запах несвежего чизбургера» (№ 19 (55), 2004), здесь же ограничусь экспрессивной кодой: на какие только ухищрения не шли МВФ со

Всемирным банком, вынуждая Корею пустить с молотка национальные промышленные и банковские активы — и вон (валюту) обвалили (с 1 000 до 1 700 за доллар), и сотни компаний обанкротили, и биржу опустошили, и навязали кабальные условия через цианид своего SAP'a³! Ан нет — ничего не вышло, все обломилось, даже больше: каким-то невероятным усилием национальной воли корейцы сумели не только преодолеть страшные последствия кризиса, но и утроить национальный доход на душу населения в период с 1997-го по 2006 годы!

Что же это было?

За недостатком времени и журнального пространства мы вынуждены отказать от последовательной «подводки» к правильным выводам и ограничиться прямым ознакомлением с нашей гипотезой. Читатель, соответственно,

1 По капитальным операциям ренминби вообще не конвертируется. Обменный курс по текущим счетам установлен сегодня на уровне 7,7 ренминби за доллар США, при том, что реальная покупательная способность китайских денег почти в четыре раза выше (2 ренминби за доллар США).

2 В отличие от производства бесполезного — например, советского: уж мы-то помним сумеречные костюмы, позорные башмаки и вечно ломающиеся радиолы!

3 SAP, Structural Adjustment Program — основной инструмент, с помощью которого МВФ и Всемирный банк добиваются своих политических целей. SAP предусматривает предоставление кризисных кредитов исключительно в обмен на пакет неолиберальных реформ: сокращение программ социального обеспечения, экспортную переориентацию экономики, снижение курса национальной валюты, снятие ограничений на экспортно-импортные операции, отмену государственных субсидий, приватизацию госпредприятий и т. п.

▲ В конце июня 1997 года власти уверяли тайцев, что обвала не случится. Но 2 июля бат обвалился. С треском. Удар был такой силы, что экономика страны не оправилась от него до сих пор.

волен либо соглашаться с предложенным ему вариантом, либо выработать самостоятельную концепцию. В любом случае, занимать какую-то позицию необходимо — с учетом исторических параллелей, которые нам как бы незначай подбрасывают.

Начнем с ложных следов. Таковых два. Первый усматривает в атаке междонародных валютных спекулянтов (Сороса, Робертсона и др.) месть странам АСЕАН за то, что на майской конференции страны-участницы альянса приняли единодушное решение о включении в свои ряды Бирмы (наряду с Лаосом и Камбоджей, к которым у Запада на тот момент не было никаких претензий) вопреки энергичному противоборству со стороны США и их европейских союзников. Америка, якобы, расценила непослушание Азиатских тигров чуть ли не как плевок в душу и направила на них Сороса, чей Институт открытого общества (Open Society Institute) давно и безуспешно вкачивал миллионы долларов в борьбу с «бирманской военной хунтой, попирающей права человека и гражданские свободы».

Бирманскую версию подхватил и широко популяризировал харизматичный премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад, обвинив «мировую клику еврейских банкиров» в уничтожении национальной экономики и наградив Сороса пожизненным статусом персоны нон-грата.

Не вдаваясь в подробности, выделю лишь одно обстоятельство. Военная

хунта в Бирме находится у власти с 1962 года. Самый одиозный демарш — отмена результатов демократических выборов и усадка под домашний арест лидера оппозиции Аун Сан Сучи — случился за семь лет до описываемого нами азиатского кризиса. Мне лично сложно представить ситуацию, при которой конфликт, чья продолжительность исчисляется десятилетиями, становится причиной скоординированной атаки на национальные валюты соседних государств.

Второй ложный след дезавуируется даже проще бирманского: у Джорджа Сороса, Джулиана Робертсона и прочих «хеджеров» на подхвате никогда в жизни не достало бы средств для того, чтобы преодолеть сопротивление валютно-резервных запасов Азиатских тигров. Уж простите — не тот уровень! Национальные валюты стран АСЕАН удавливали игроки совершенно иного класса.

Чтобы назвать демиургов поименно, достаточно воспользоваться хорошо проверенной формулой — *qui bono?* Вот лишь начало списка организаций, поживившихся на валютной диверсии, в разы обесценившей национальные активы Азиатских тигров:

- BNP Paribas поглотила Peregrine, крупнейшую в Азии неапонскую финансовую группу, разорившуюся из-за девальвации индонезийской рупии;
- Procter & Gamble приобрела в Корее Ssangyong Paper;
- General Motors съела за бесценок Daewoo Motor;
- Prudential Securities выкупила контрольный пакет Nava Finance & Securities;
- First Pacific наложила руку на филиппинского пивовара San Miguel;

► Citibank попытался проглотить First Bangkok City Bank (не получилось).

Можно не продолжать, ибо и так ясно: Тигров разрывали взрослые дяди, поднажив на роль исполнителей сначала валютных спекулянтов (Сороса со товарищи, которым ссужали под немыслимое пятипроцентное «плечо» в прямом смысле слова безграничные капиталы), затем — МВФ и Всемирный банк, завершивших обесценивание азиатских активов с помощью кредитов SAP (см. соответствующую сноску).

RIP¹

Остается последний вопрос: каким местом в историю азиатского кризиса 1997 года вписывается Россия? Очевидно, что не «иностранный задолженностью российских банков», которой обеспокоился господин Кудрин: размер наших валютно-долларовых резервов не оставляет сомнений — от любого незапланированного гоп-стопа Центробанк РФ сегодня откупится шустрее Гонконга.

Погодите-погодите... что там было сказано про резервы? Это не тот ли Стабилизационный фонд, что верой и правдой обслуживает... долговые обязательства Казначейства Соединенных Штатов Америки?!

Именно тот самый. Итак, раскрываем последнюю карту. Захват обесцененных активов Азиатских тигров в 1997 году был лишь *тактической* задачей, за которой таились совершенно иные — уходящие далеко в будущее *стратегические* разработки. Одна из таких разработок — создание в странах Третьего мира (Россия — не исключение!) беспрекословного убеждения в том, что единственной эффективной защитой от непрогнозируемых капризов финансового рынка являются огромные валютно-долларовые резервы. Что и не преминуло случиться с точностью швейцарского механизма!

Напуганные до смерти событиями 1997 года страны Юго-Восточной Азии, а вместе с ними — и Китай, и Южная Корея, и Япония, и Россия, и Бразилия, и Аргентина, и... и... и... — послушно ринулись копить банкноты с надписью In God We Trust, которые — разумеется! — не томили в кубышке, а сразу же реинвестировали в «самые надежные в мире финансовые инструменты» — T-Bills и T-Bonds! Обеспечивая тем самым неиссякаемое финансирование американской экономики. Причем, заметьте, — под мизерные проценты!

Такой вот утонченный экономический шедевр вышел из-под пера создателей азиатского кризиса 1997 года! □

¹ Rest in Peace — «Пойкйся с миром». Традиционная надпись на надгробье (англ.)